

РЕЦЕНЗИИ

У истоков консервативной идеологии в России

Т. В. Андреева

Для цитирования: Андреева Т. В. У истоков консервативной идеологии в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1384–1395.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.419>

Рецензия посвящена анализу книги «Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I» (Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2021. 447 с.) известного американского историка Александра Мартина, посвященной истории российского консерватизма в первой четверти XIX в. Автор исследует процесс формирования консервативной идеологии в политике, русской общественной мысли, культуре, а также выявляет ее истоки, определяет отличительные от либеральной доктрины черты. В монографии особое внимание уделяется жизни, государственной, общественной и религиозной деятельности ведущих представителей различных течений консерватизма эпохи Александра I — А. С. Шишкова, С. Н. Глинки, А. Н. Голицына, Н. М. Карамзина, Ф. В. Ростопчина, великой княгини Екатерины Павловны, Ж. де Местра, А. С. Стурдзы и его сестры Роксандры. На широком фоне политической и культурной жизни России этого времени показано сложное взаимоотношение различных систем консервативной идеологии. Продемонстрировано, что религиозный консерватизм таких ярких защитников католицизма и православия, как Местр и Стурдза, столкновение их противоположных позиций, споры об исторической судьбе и цивилизационном предназначении христианства, а также романтический национализм А. С. Шишкова и С. Н. Глинки и дворянский консерватизм Н. М. Карамзина и Ф. В. Ростопчина отражали поиски новых форм антиреволюционного консервативного мировоззрения. Важнейшим является положение Александра Мартина о существенном вкладе консервативных мыслителей александровского царствования в формирование государственной политики в интересах России, оформление основ гражданского общества, развитие национального самосознания, русской культуры и языка. Автор приходит к обоснованному концептуально-

Татьяна Васильевна Андреева — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории, РАН, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Tatiana V. Andreeva — Dr. Sci. (History), Leading Researcher, St Petersburg Institute of History, RAS, 7, ul. Petrozavodskaya, St Petersburg, 197110, Russian Federation; ta-a.andreeva2014@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

му выводу, что хотя ранние консерваторы не выработали единой идеологии, тем не менее они заложили основу для различных форм российского консерватизма второй четверти XIX — начала XX в., нашедших отражение в политическом мировоззрении и государственной деятельности С. С. Уварова, К. П. Победоносцева, П. А. Столыпина.

Ключевые слова: Александр I, консервативная идеология, общественная мысль, национальное самосознание.

The Origins of Conservative Ideology in Russia

T. V. Andreeva

For citation: Andreeva T. V. The Origins of Conservative Ideology in Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 4, pp. 1384–1395. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.419> (In Russian)

The review is devoted to the analysis of the book “Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I” by the famous American historian Alexander Martin dedicated to the history of Russian conservatism in the first quarter of the 19th century. The author explores the process of formation of conservative ideology in politics, Russian social thought, culture, and also reveals its origins, defines features that are distinctive from the liberal doctrine. Against the broad background of the political and cultural life of Russia at that time, the complex relationship of various systems of conservative ideology is shown. It is demonstrated that the religious conservatism of such prominent defenders of Catholicism and Orthodoxy as Mestre and Sturdza, the clash of their opposite positions, disputes about the historical fate and civilizational purpose of Christianity, as well as the romantic nationalism of A. S. Shishkov and S. N. Glinka and the noble conservatism of N. M. Karamzin and F. V. Rostopchin reflected the search for new forms of anti-revolutionary conservative worldview. The position of Alexander Martin is especially noteworthy in relation to the significant contribution of conservative thinkers of Alexander’s reign to the formation of state policy in the interests of Russia, the formation of the foundations of civil society, the development of national identity, Russian culture and language. The author comes to a reasonable conceptual conclusion that although the early conservatives did not develop a single ideology, they laid the foundation for various forms of Russian conservatism in the second quarter of the 19th — early 20th century.

Keywords: Alexander I, conservative ideology, social thought, national identity.

На революционный вызов Нового времени, поставивший под сомнение не только сакральность монархической власти, но и ее дальнейшее существование, Россия ответила становлением национальной модели консерватизма. Российский консерватизм, как и его европейские аналоги, являясь инструментом обеспечения внутренней безопасности государства, имел с ними схожие и отличительные черты. В течение первой четверти XIX в. он, безусловно, видоизменялся, но сохранил свое самобытное ядро, основанное на сочетании традиции и новации. В основе формирующейся консервативной идеологии лежали просветительские идеи ненасильственного и нефорсированного преобразования общественных отношений, соответствия политической организации общества исторически сложившемуся уровню просвещения и образования народа, а также отрицание абсолютной общности и повторяемости идеологических и социально-экономических процессов,

происходивших в Европе и России. Кроме этого, по сравнению с французскими идеологами консерватизма (аббат О. Баррюэль, Ф.-Р. Шатобриан), прусскими и австрийскими политиками (К. фон Штейн, К. Меттерних), для которых был характерен императив конкретности и социально-политического «сознательно-го традиционализма»¹, отечественные консервативные мыслители крайностям рациональной философии и радикальной практики противопоставляли культурный, национально-романтический и религиозный традиционализм. Это обуславливалось тем, что идеология Просвещения, как антифеодальная буржуазная, имела политическую и культурно-этическую составляющие. Но, если для декабризма было характерно доминирование просветительских политических тенденций с их приматом законности, гражданских и политических прав, то для формирующегося общественного консерватизма в большей степени были присущи идеи культурного и религиозного просвещения. Базирующиеся на христианском понимании иерархического строя бытия, критике феодальных общественных отношений и стремлении к буржуазной системе гуманистических ценностей, они были направлены не только на развитие государства и общества, но и нравственно-этическое совершенствование личности. Так, просветительская доктрина направляла человека и на политическую (внешнюю), и на духовно-нравственную (внутреннюю) преобразовательную деятельность, которая лежала в основании такого сложного и противоречивого исторического явления, как российский консерватизм.

Его адепты стремились к формированию одновременно мощного государства и просвещенного свободного общества, но оппонировали либерально-западной парадигме. Ее идеям ускоренной ломки и строительства по европейским образцам, до которых, как считали сторонники консерватизма, Россия еще не доросла, они противопоставляли теорию адаптации абсолютизма и крепостничества к новым историческим условиям, а также опоры на национальные культурные традиции, существующие сословные и государственные институты. В поисках путей реализации консервативного варианта реформ одни из них пропагандировали консервативно-националистическую идеологию (С. Н. Глинка) и романтический национализм (А. С. Шишков); другие проповедовали религиозное консервативное просвещение в его образовательном (А. Н. Голицын) или мистико-масонском виде (Д. П. Рунич), духовно-возрожденческом образе объединяющего католицизма (Ж. де Местр) или интеллектуального православия (А. С. Стурдза); третьи стремились институционализировать принципы дворянско-консервативной традиции (Н. М. Карамзин) и возродить петровскую идею регулярного государства (Ф. В. Ростопчин).

Все они являются героями монографии Александра Мартина², который становление и эволюцию в России просвещенной консервативной альтернативы рассматривает во всех ее составляющих (политической, идеологической, социальной, религиозной) как реакцию на материализм и рационализм эпохи Просвещения, радикализм Великой французской революции, экспансионизм наполеоновской Франции и правительственный либерализм начала царствования Александра I. В книге продемонстрировано, что в условиях деформации христианских, институцио-

¹ Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 2010. С. 601.

² Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. Бостон; СПб., 2021.

нальных и народных оснований в Европе, а также распространения либерально-конституционных тенденций приверженцы консерватизма воспринимали их как наследие революции и считали разрушительными. Они полагали необходимым укрепить Россию на основаниях, составляющих ее отличительный характер, — на национальном языке, истории, литературе, особом государственном и социальном строе. Стратегическими целями пропаганды консервативной идеологии определялись, с одной стороны, уничтожение противоборства европейского просвещения и культурных потребностей России, адаптация мировой культуры к российским духовно-нравственным и религиозным ценностям, а с другой — расширение идеологического противостояния западным радикальным принципам достижения исторического прогресса.

Современный историографический дискурс в отношении консервативной мысли первой четверти XIX в. отличается не только плюрализмом научной интерпретации, но и вниманием к индивидуально-биографическому жанру. Ряд работ посвящен как европейским, так и российским идеологам консерватизма этого времени. В книге пермского историка П. Ю. Рахшмира о К. Меттернихе совершенно справедливо подчеркивается, что в основе консервативно-охранительной политики «канцлера Европы» лежала необходимость уничтожения послевоенного экономического хаоса и формирования системы «европейского равновесия», которая «сдерживала бы гегемонистские устремления наиболее могущественных держав, обуздывала бы подрывные революционные силы, обеспечивала бы равновесие и покой, мирное сосуществование народов под властью легитимных суверенов»³.

Изучению становления консервативно-националистической идеологии на материале трудов издателя «Русского вестника» С. Н. Глинки посвящены работы Т. А. Володиной и Е. Б. Мирзоева. Оба автора подчеркивают влияние пропагандистской деятельности публициста на формирование идеологической и философской традиции особого исторического пути России, ее превосходства над Западом, которая нашла отражение в теории официальной народности, концепциях славянофилов, а позже была востребована следующими поколениями русских консерваторов⁴.

В книге В. С. Парсамова, посвященной истории религиозных идей в александровское царствование, речь идет о противоборстве двух религиозно-консервативных концепций, о соотношении католических идей Ж. де Местра и православных постулатов А. С. Стурдзы. По мнению автора, как католицизм для Местра, так и православие для Стурдзы были не просто разными вероисповеданиями, но составляли основу их мировоззрения. И хотя первый был учителем второго в логике изложения религиозных догматов и системе аргументов, очень скоро ученик обратил их против католической церкви. При этом сам католицизм Местра, выступавший гарантией от революционных потрясений, имел рациональную основу как «торжество всемирного единства над индивидуальностью». Для Стурдзы же православие ассоциировалось с освободительными идеями, в нем он видел единственный путь к свободе, имея в виду освобождение греков от турецкого владычества

³ Рахшмир П. Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. С. 403.

⁴ Володина Т. А. Сергей Николаевич Глинка // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 142–170; Мирзоев Е. Б. С. Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М., 2010. С. 157.

и эмансипацию крепостных крестьян в России. Как справедливо подчеркивает автор, контекстом их полемики стало «религиозное пробуждение» Александровской эпохи, время «теократического утопизма». В идейном столкновении Местра и Стурдзы «своеобразно преломились общие для начала XIX в. пути переосмысления философского наследия Просвещения и поиски новых идейных ориентиров»⁵.

Обобщающие работы А. Ю. Минакова⁶ и В. Н. Шульгина посвящены изучению мировоззренческих основ общественной консервативной традиции в первой половине XIX в., рассмотрению государственной, литературно-публицистической и научной деятельности «зачинателей» отечественного консерватизма. При этом в центре внимания исследования В. Н. Шульгина «свободные консерваторы — основоположники просвещенного самобытничества», к которым он относит Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева. По мнению автора, в первой половине столетия в российской общественно-политической мысли сформировалось «важнейшее» направление — «свободный консерватизм, который занял срединное место в обществе, противостоя одновременно подражательной политической элите и зарождающемуся революционному радикализму»⁷. В связи с этим хочется подчеркнуть, что для управленческой элиты александровского и начала николаевского царствований было характерно осторожное, взвешенное, утилитарное отношение к западному преобразовательному опыту. В многочисленных «мнениях» ведущих членов Государственного совета, сенаторов и министров — П. В. Завадовского, Д. П. Трошинского, В. П. Кочубея, Д. А. Гурьева, М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова — ориентация на Запад, стремление на сближение административного устройства Российской империи и передовых европейских государств, соответствие ее политического строя западным «стандартам» сочетались с тезисом об их адаптации к национальным российским условиям. При этом использовалась «инструментализация опыта европейского конституционализма»⁸. И хотя некоторые тезисы В. Н. Шульгина, в том числе тезис о стремлении «свободных консерваторов» «к достижению русско-европейского культурного синтеза», являются вполне обоснованными, но жесткое противопоставление «самобытников» консервативным представителям «официальной России», а также западникам вряд ли оправданно. Тем более что начало 1830-х гг. характеризуется кратковременным объединением западных и самобытнических тенденций, сложным оформлением в это время двух основных направлений будущего либерального движения, отражавшим его внутреннюю амбивалентность и сущностную реформаторскую однородность⁹. Расхождения начались, когда у одних возникла убежденность в избранности русского народа, обладающего преимуществами российской истории и потому истинными ценностями (община, земщина, православие). Другие, наоборот, считали, что русские не были затронуты общеевропейским воспитанием, у них нет традиций и единства, а стало быть,

⁵ Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2014. С. 9, 11, 13, 172.

⁶ Минаков А. Ю. Ранние русские консерваторы первой четверти XIX в. Воронеж, 2011.

⁷ Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб., 2009. С. 463.

⁸ Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006. С. 168–183.

⁹ Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. С. 85–107.

и подлинной истории. На их взгляд, чтобы выйти из хаоса, необходимо ускорить развитие буржуазных отношений, а за образец правления следует взять конституционные монархии Западной Европы.

Следует подчеркнуть, что книга Александра Мартина выходит за пределы современного историографического нарратива, поскольку в ней консерватизм представлен не только реформаторским, но и в тесном соединении его основных начал — общественного и государственного, в работе показано, что последнее в продолжение царствования Александра I все больше подчиняло себе первое. Отсутствие необходимых социально-политических и идеологических предпосылок для введения конституционного права представительства, практическая неосуществимость создания единого христианского мира на основе «универсального христианства», необходимость укрепления российской государственности в условиях европейских революций и волнение в лейб-гвардии Семеновском полку в конце концов и обусловили, как верно подчеркивает Александр Мартин, «правительственный идеологический сдвиг» начала 1820-х гг. Автор характеризует его социокультурные условия, выявляет административные ресурсы, используемые властью для сохранения социальной стабильности в стране и предотвращения перерастания общественной активности в антиправительственное действие — сворачивание политики Священного союза, запрещение деятельности всех тайных общественных объединений, ликвидацию «двойного министерства», отставки И. А. Каподистрия, А. С. Стурдзы и А. Н. Голицына (с. 375–378). По сути, монография Александра Мартина — крупное исследование природы и специфики реформаторского процесса в России первой четверти XIX в., обусловивших позднее проведение Великих реформ. Причем современность его особенно актуализирует, напрягая извечное отечественное противостояние западников и славянофилов, либералов и консерваторов, давая новый импульс дискуссии о схожих и различных чертах их патриотизма.

Актуальность рецензируемого труда неоспорима и определяется как принципиальным значением для отечественной истории проблемы альтернативного развития, так и важностью определения места консервативной мысли в российском историческом процессе. Монография Александра Мартина — новаторское, глубоко фундированное и методологически четкое исследование, оригинальность которого состоит как в самой постановке темы, не имеющей аналогов ни в российской, ни в зарубежной историографии, так и в соединении нескольких историографических жанров — обобщающего труда по социально-политической истории России первой четверти XIX в., работы по истории общественной мысли и «истории понятий» данной эпохи, а также индивидуально-биографического исследования. Это позволило историку не только расширить границы научных представлений об Александровской эпохе, о месте адептов консервативной идеологии в исторической среде, о самой этой среде в ее различных формах и состояниях, но и по-новому охарактеризовать общие тенденции консервативно-националистического дискурса в политическом сознании образованных российских подданных, выявить особенности их понимания важнейших социально-политических концептов Нового времени (просвещение, революция, абсолютизм, конституция, рабство, свобода, собственность). Ключом, успешно использованным автором, стала методологическая установка на изучение процессов и явлений с использованием историко-психологического и культурологического методов исследования. Предполагающие не

только рассмотрение фактов биографии, но и анализ индивидуальности, личных характеристик, рационального и иррационального в действиях исторических деятелей, они помогли автору выявить различные факторы интеллектуального развития и показать разные социально-культурные типы российских консерваторов, открыть завесу над другой стороной их политического сознания — не над логической, а над психологической, над формирующим мысль чувством.

Еще одной сильной стороной исследования Александра Мартина является взгляд на консервативную мысль первой четверти XIX в., с одной стороны, как на неотъемлемую часть общеевропейского идеологического процесса, а с другой — как на чисто российское явление. В силу этого национальная модель консерватизма в России александровской поры представлена в едином временном и идеологическом потоке Нового времени. Причем в книге показано, как смысловая деформация либеральных понятий и принципов, тенденция к адаптации, корректировке и смещению прогрессивных европейских социально-политических идей способствовали, как верно подметил автор, «размытости понятий либерального и консервативного», сближению позиций большей части «либералистов», «прогрессистов» и консерваторов прежде всего относительно конституционно-представительного правления и отмены крепостного права. При некоторых заявлениях о приверженности к личной свободе и конституционному устройству все же доминировали положения об особенностях исторического, социально-экономического, политического и культурного развития России, а потому — преждевременности фундаментальных реформ.

Следует отметить вполне логичное построение монографии. Прежде всего, автор обращается к рассмотрению роли А. С. Шишкова, являвшегося ключевой фигурой интеллектуальной жизни России начала XIX столетия в оформлении культурного основания российского консерватизма и борьбе с бессознательным западным заимствованием. Затем Александр Мартин изучает важнейшие аспекты общественного мнения этого времени. Анализ его «болевых точек», определение основных проблем актуализации в периоды 1801–1805 и 1807–1812 гг. позволили исследователю прийти к обоснованным концептуальным выводам. Во-первых, важнейшей линией столкновения официальной парадигмы вестернизации и все более усиливавшейся в дворянском обществе самобытнической тенденции являлись правительственное реформаторство по западным образцам и преобразовательные поиски власти, основанные на конституционно-представительной модели и направленные на «ограничение самодержавия», смягчение крепостничества, ослабление исключительности правового положения дворянства. Во-вторых, произошла резкая смена внешнеполитического курса России, обусловленная установкой на сближение с Наполеоном, по приказу которого в 1804 г. был расстрелян герцог А.-Л. Энгиенский, и нашедшая отражение в компромиссном Тильзитском мире 1807 г., а также в континентальной блокаде. Все это вызвало всеобщее общественное недовольство и «враждебность к наполеоновской Франции», обусловило определенный разрыв между правительством и обществом. Однако речь шла не о разнонаправленности государственных приоритетов и общественных устремлений, а о стратегических установках носителя верховной власти. Как справедливо отмечает автор, Александр I, «лавируя между коварным французским союзником и общественным мнением», «вел двойную игру; публично выступал за укрепле-

ние союза с Францией, а втайне готовился к войне с ней. С политической точки зрения эта стратегия была проигрышной на обоих фронтах» (с. 91). Здесь нужно сказать, что, прежде всего, это касалось внутреннего «фронта», т. е. общественного мнения. Не зная всей подоплеки дипломатических маневров и военных планов, современники воспринимали внешнеполитические неудачи как поражение не столько российской дипломатии, сколько самого императора. Об этом в 1810 г. в записке Александру I об «общем мнении» писал Н. С. Мордвинов, подчеркивая, что главной ошибкой правительства является неверная установка держать в тайне от дворянства истинные причины и цели «Тильзитского соглашения». «Настоящие государственные потребности», как считал адмирал, требуют открытости управления, гласности целей правительственной политики, публичности общественного дворянского мнения и предоставления ему трибуны. Все это создало бы условия для укрепления единства интересов государства и общества. «В сей взаимной доверенности государя к дворянству, а дворянства к государю, — писал императору Н. С. Мордвинов, — найдете надежные способы соединить членов правления, одушевить их одним духом и стремлением к общей пользе. Тогда каждый гражданин поставит себе священную обязанностью и честью всеми силами содействовать власти»¹⁰.

Центральная часть книги Александра Мартина посвящена изучению различных систем консерватизма и выявлению значения его главных центров в Петербурге, Москве, Твери для формирования консервативной доминанты дворянского сознания и утверждения консервативного дискурса политического мировоззрения императора. В контексте данной структурной логики процесс становления идеологии консерватизма в России рассматривается посредством анализа всех ее важнейших концептов — разработанной А. С. Шишковым теории национального возрождения, которую он противопоставлял западной концепции социально-политического реформаторства, его лингвистических трудов, прежде всего, знаменитого «Рассуждения о старом и новом слоге» 1803 г., пропагандирующего сохранение русской языковой и культурной идентичности (с. 26–71); романтического национализма «Русского вестника» С. Н. Глинки; идеологической составляющей салона великой княгини Екатерины Павловны и литературного общества «Беседа любителей русского слова» (с. 170–226). Особое внимание в монографии уделено изучению значения Отечественной войны 1812 г. и патриотической деятельности Ф. В. Ростопчина, которые, однако, стали «вершиной и, следовательно, концом подъема движения романтических националистов и дворян-консерваторов» (с. 264).

Важнейшей методологической установкой книги Александра Мартина стало рассмотрение судьбы российского консерватизма сквозь призму проекта Священного союза, его духовных оснований и возможности реализации, а также жизненных и служебных биографий идеологов (Ж. де Местра, А. С. Стурдзы и др.). По мнению автора, религиозно-утопический проект не был реализован в силу «внутренних противоречий, несовместимости с ключевыми государственными интересами и нехватки движущих сил», представленных только Александром I, небольшим числом сановников и интеллектуалов (с. 318). Хочется только добавить, что акт

¹⁰ Цит. по: *Андреева Т. В.* Записки императору Александру I М. М. Сперанского, М. Л. Магницкого, Н. С. Мордвинова: к постановке проблемы общего и общественного мнения в России в начале XIX в. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История.* 2006. Вып. 3. С. 59.

Священного союза 14 (26) сентября 1815 г., отражавший оформление идеологической составляющей победы над Наполеоном, своей целью имел переустройство не только религиозной основы посленаполеоновской Европы (объединение народов на основе христианской веры, то есть формирование «единого народа христианского», утверждение приоритета общеевропейских христианских ценностей по сравнению с национальными), но и политической жизни (борьба с любого рода революционным движением, приводящим к дестабилизации и социальным потрясениям, необратимость эволюционного процесса и сохранение социально-политической стабильности на континенте путем приспособления либерально-конституционных идей к существовавшим государственным и общественным институтам)¹¹. Для российского императора, который позиционировал себя как основателя «Европейской федерации», политическая философия Священного союза ставила вопрос и о религиозном обновлении, и о конституционной дипломатии в Европе, а также о приспособлении либерально-просветительских идеалов к российской национальной специфике.

Монография, обладающая указанными высокими научными достоинствами, актуализировавшая важнейшие исследовательские проблемы истории русской консервативной мысли первой четверти XIX в., представила широкое интеллектуальное пространство для их дальнейшего обсуждения. Прежде всего хочется подчеркнуть, что консерватизм в это время еще не был оформлен в движение, которое подразумевает кроме идеологии активную политическую деятельность. Можно говорить лишь о социальной активности консерваторов, стремящихся своей государственной, литературной, публицистической, научной деятельностью повлиять на императора и управленческую элиту, чтобы завершить «подражательный» период русской истории. При том что сам автор говорит именно о консервативной мысли, идеологии, индивидуальном протесте, а не движении. И еще, как показывает исторический опыт, «внутренние противоречия» в любой интеллектуальной среде, либеральной или консервативной, приводят к ее ослаблению, а не усилению.

По мнению Александра Мартина, «консервативные идеи не были в какой-то степени чужды и Александру I, хотя полностью он не мог поддержать ни одну из них, поскольку всякое утверждение консервативной идеологии в России неизбежно подрывало устой режима и таило в себе противоречия» (с. 11). Думается, следует говорить скорее о доминировании в политическом мировоззрении императора даже в либеральный период его царствования идеи о неготовности России на данном этапе исторического развития к конституционализму европейского образца, то есть к конституционному праву представительства. Об этом свидетельствует отказ от введения в жизнь российского аналога французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. — коронационной «Всемиловитейшей Грамоты, Российскому народу жалуемой» 1801 г. и полной реализации «Плана всеобщего государственного образования» 1809 г. с введением сословно-представительных Государственной думы и Сената. В силу этого спровоцированные правительством общественный подъем, направленность на развитие общества, тактика отказа, как справедливо подчеркивает Александр Мартин, от «бесплодной политики насилия» в эпоху европейских революций, неприменение запретительных мер до 1822 г.

¹¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая: в 8 т. Т. 8. М., 1972. С. 504–505.

к тайным союзам любого толка можно рассматривать как намеренную подмену верховной властью проблемы учреждения представительства проблемой общественного мнения.

В основании же принятия решения о закрытии всех нелегальных организаций в России лежал ряд внешнеполитических условий и внутрисполитических причин. В начале 1820-х гг. изменилась ситуация в Европе. Пацифистско-религиозная утопия Священного союза оказалась неосуществимой, а революционно-освободительное движение со всей очевидностью продемонстрировало Александру I противоречие между либерально-консервативной законностью, в которой он видел опору сильной монархической власти, и политической свободой. Военные революции не только подорвали веру императора в возможности конституционной дипломатии, основанной на внешнеполитическом компромиссе и направленной на создание христианско-конституционной Европы, но и продемонстрировали разрушительный итог развития политической конспирации. Теперь сама модель тайного общества уже не казалась ему просветительно-реформаторским инструментом.

И все же доминирующим при принятии решения 1822 г. оказывался внутрисполитический фактор, связанный с новой политической концепцией власти. В обстановке социально-политической нестабильности в Европе и угрозы, как считал Александр I, ее перенесения в Россию, он приостановил реформаторский процесс. Вследствие этого произошло ужесточение правительственной политики по отношению к конспиративным общественным объединениям. Но именно эта жесткая подчиненность вопроса о социальной активности и самодеятельности в форме легальных и нелегальных объединений государственной политике, преобразовательным поискам власти проявляла истинную сущность официальной позиции. Внимание правительства к формированию прогрессивного общественного мнения являлось лишь тактикой укрепления российской государственности, а не постоянной и последовательной политической стратегией, направленной на внутреннее развитие, создание сильного общества¹².

С точки зрения Александра Мартина, «консерватизм Александровской эпохи сошел на нет во второй четверти XIX в. при абсолютистско-бюрократическом режиме Николая I» (с. 12), «концепции, лежавшие в основе александровского консерватизма, утратили смысл после 1825 года. Дворянский консерватизм был обречен в первую очередь», поскольку не мог «удовлетворить потребности самодержавия» (с. 385, 386). Важно подчеркнуть, что действительно уходит институт консервативной дворянской оппозиции, но сам консерватизм после восстания декабристов усиливается и не только государственный, но и общественный. Осмысление уроков 14 декабря 1825 г. представителями всех слоев дворянства определило в целом консервативно-самобытную доминанту общественного сознания, скорректировало политическое мировоззрение просвещенной элиты, обусловило ее переход от конфронтации к оптимизации взаимоотношений с правительством и параллельному с ним осмыслению исторической судьбы России, перспектив будущего страны. Этому способствовал манифест 13 июля 1826 г., в котором провозглашалась востребованность верховной власти в общественном реформаторском потенциале, разрешалось писать на имя Николая I преобразовательные проекты.

¹² Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 487–513.

Первыми этим воспользовались декабристы, записки которых из Петропавловской крепости вкупе с другими дворянскими реформаторскими материалами повлияли на формирование правительственных преобразовательных приоритетов — создание фундаментального кодифицированного законодательства, совершенствование государственного управления и решение крестьянского вопроса¹³.

В «Заключении» автор совершенно справедливо подчеркивает, что консервативные понятия «русской исключительности», нашедшие отражение «в представлении Карамзина о ценности самодержавия, идеях Шишкова о славянской идентичности и православной вере Стурдзы», предвосхитили лозунг «Православие, самодержавие, народность». «Однако значение самих этих понятий к этому времени изменилось. <...> Консерватизм Александровской эпохи отличался от николаевской “официальной народности” тем, что он не уделял особого внимания интересам государства» (с. 390). И все же очевидно, что заинтересованность Николая I как в самом Н. М. Карамзине, так и в его консервативной доктрине, была основана именно на ее этатистских гарантиях. Император, стремившийся согласовать традиционалистские и западнические начала русской жизни, стабилизировать государственную систему абсолютной монархии путем укрепления единства идеологии и практики официального консерватизма, определял мыслителя идеологом нового царствования. Это находит отражение не только в близости официального историографа и Николая I в последний год жизни первого и первый год царствования последнего, но и в использовании монархом важнейшего положения либерально-консервативной доктрины Н. М. Карамзина о неповторяемости социально-экономического и политического развития Европы и России, утилитарном, взвешенном подходе к историческому опыту передовых западноевропейских государств.

Согласно воспоминаниям П. Д. Киселева, Николай I в разговоре с ним как-то сказал: «Если бы я, как частное лицо, выбирал для себя и своей семьи страну проживания, то предпочел бы республику, ибо полагаю, что сия форма правления предоставляет наибольшие гарантии и безопасность. Но таковая форма подходит не для всех стран; она была бы неприемлема и даже опасна для других; значит, нужно довольствоваться тем, что освещено самим временем»¹⁴. Этот текст со всей очевидностью показывает, что логика рассуждений императора в отношении различных форм правления сводится к основному карамзинскому тезису — тип развития российской государственности всегда так сильно отличался от европейской модели, что даже более прогрессивные формы государства неприемлемы или даже опасны на русской почве. Поэтому России незачем спешить за передовыми государствами, а следует понять и оценить себя.

Итак, в монографии Александра Мартина «Романтики, реформаторы, реакционеры: Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I» всесторонне и комплексно изучена проблема поиска оптимального для России пути развития, национальной идентичности, культурного и духовного возрождения. Полученные автором результаты исследования вносят существенный вклад в развитие мировой исторической науки. Учитывая неослабевающий интерес власти и общества к изучению особенностей модернизационных процессов в Россий-

¹³ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 709–795.

¹⁴ Киселев П. Д. Воспоминания о Николае I // Российский государственный исторический архив. Ф. 1623 (Вяземские). Оп. 1. Д. 904. Л. 2–2 об. Пер. с фр.

ской империи, связанных с синтезом коренных отечественных начал и прогрессивных гражданско-политических основ европейской цивилизации, монография представляет большой интерес как для профессионалов (историков, социологов, политологов), так и для широкой читательской аудитории, интересующейся историей России XIX в.

Следует подчеркнуть, что перевод книги, выполненный Л. Н. Высоцким на самом высоком профессиональном уровне, отличается прекрасным литературным языком с изысканной манерой изложения и в то же время глубоким проникновением в стилистику автора.

References

- Andreeva T. V. *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaia politika i obshchestvennoe mnenie*. St Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009, 911 p. (In Russian)
- Andreeva T. V. Zapiski imperatoru Aleksandru I M. M. Speranskogo, M. L. Magnitskogo, N. S. Mordvinova: K postanovke problemy obshchego i obshchestvennogo mneniia v Rossii v nachale XIX v. *Vestnik of Saint Petersburg University. Seria 2. History*, 2006, issue 3, pp. 49–63. (In Russian)
- Mankheim K. *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow, Govoriashchaia kniga Publ., 2010, 744 p. (In Russian)
- Martin A. *Romantiki, reformatory, reaktionery: Russkaia konservativnaia mysl' i politika v tsarstvovanie Aleksandra I*. St Petersburg, Bibliorossika Publ., 2021, 447 p. (In Russian)
- Minakov A. Iu. *Rannie russkie konservatory pervoi chetverti XIX v.* Voronezh, Voronezh State University Press, 2011, 560 p. (In Russian)
- Mirzoev E. B. S. N. *Glinka protiv napoleonovskoi Frantsii. U istokov konservativno-natsionalisticheskoi ideologii v Rossii*. Moscow, Izdatel'stvo biznesa i politiki Publ., 2010, 164 p. (In Russian)
- Parsamov V. S. *Zhozef de Mestr i Aleksandr Sturdza: iz istorii religioznykh idei Aleksandrovskoi epokhi*. Saratov, Saratov State University Press, 2004, 180 p. (In Russian)
- Rakhshmir P. Iu. *Kniaz' Metternikh: chelovek i politik*. Perm', Kommersant Publ., 2005, 407 p. (In Russian)
- Rudnitskaia E. L. *Poisk puti. Russkaia mysl' posle 14 dekabria 1825 goda*. Moscow, Editorial Publ., 1999, 272 p. (In Russian)
- Shul'gin V. N. *Russkii svobodnyi konservatizm pervoi poloviny XIX veka*. St Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2009, 496 p. (In Russian)
- Timofeev D. V. *Evropeiskie idei v Rossii: vospriiatie liberalizma pravitel'stvennoi elitoy v pervoi chetverti XIX veka*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Press, 2006, 200 p. (In Russian)
- Volodina T. A. *Sergei Nikolaevich Glinka. Protiv techeniia: istoricheskie portrety russkikh konservatorov pervoi treti XIX stoletii*. Voronezh, Voronezh State University Press, 2005, pp. 142–170. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 1 мая 2022 г.

Рекомендована к печати 10 сентября 2022 г.

Received: May 1, 2022

Accepted: September 10, 2022